

Наполеонъ на островъ св. Елены ¹⁾.

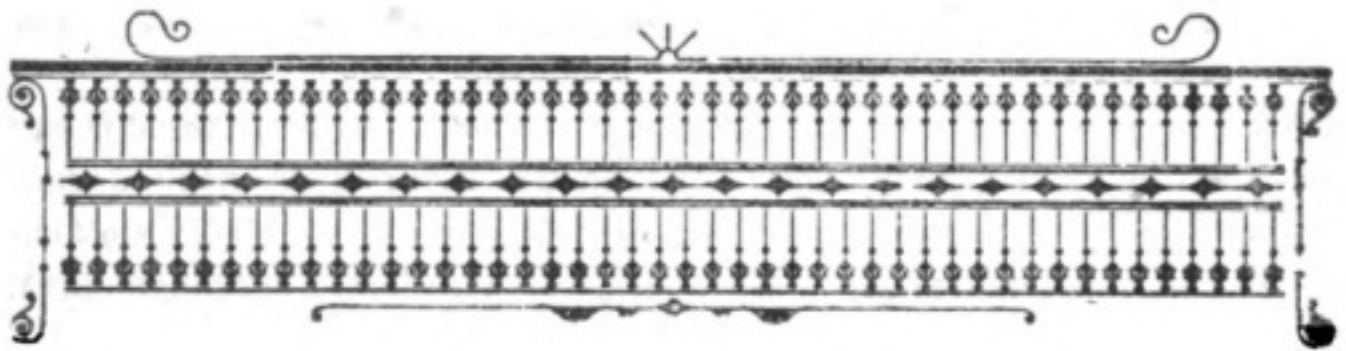
15 октября 1815 г. „Белерофонъ“, историческій корабль, на которомъ Наполеонъ I былъ отправленъ въ изгнаніе, присталъ къ скалистымъ берегамъ маленькаго острова, затеряннаго среди безбрежнаго океана, гдѣ великому плѣннику союзныхъ державъ суждено было провести послѣднія, тяжелыя шесть лѣтъ его жизни.

Угрюмый видъ возвышавшихся изъ воды черноватыхъ, обнаженныхъ скалъ, перерѣзанныхъ глубокими оврагами, производилъ мрачное, безотрадное впечатлѣніе. Въ единственномъ на островѣ городкѣ—Джемсъ-Таунѣ, расположенномъ въ глубокомъ оврагѣ, надъ которымъ нависли тяжелыя скалы, было около полутора ста домовъ, построенныхъ изъ мѣстнаго камня, довольно чистенькихъ на видъ, но лишенныхъ всякихъ удобствъ. Вблизи отъ города находился загородный домъ генераль-губернатора, окруженный обширнымъ садомъ, съ великолѣпной растительностью; тутъ были деревья и кустарники, привезенные изъ Европы, Азіи, Африки и Америки, которые благодаря тщательному уходу росли и цвѣли великолѣпно. Высокія цѣпи горъ защищали эту единственную, болѣе здоровую часть острова отъ губельныхъ для растительности жаркихъ юго-западныхъ вѣтровъ.

Въ домѣ генераль-губернатора останавливались обыкновенно болѣе или менѣе знатные путешественники, посѣщавшіе островъ, Наполеону не было оказано этой любезности, ему не было предложено остановиться въ домѣ, гдѣ бы онъ могъ жить въ пріятной

¹⁾ Frédéric Masson. *Autour de Saint Hélène*. Paris 1909. 2 t.

Napoléon en exil. Par le docteur Barry E. O'Méara. Paris 1897. 4 t.

Наполеонъ на островъ св. Елены ¹⁾.

15 октября 1815 г. „Белерофонъ“, историческій корабль, на которомъ Наполеонъ I былъ отправленъ въ изгнаніе, присталъ къ скалистымъ берегамъ маленькаго острова, затеряннаго среди безбрежнаго океана, гдѣ великому плѣннику союзныхъ державъ суждено было провести послѣднія, тяжелыя шесть лѣтъ его жизни.

Угрюмый видъ возвышавшихся изъ воды черноватыхъ, обнаженныхъ скалъ, перерѣзанныхъ глубокими оврагами, производилъ мрачное, безотрадное впечатлѣніе. Въ единственномъ на островѣ городкѣ—Джемсъ-Таунѣ, расположенномъ въ глубокомъ оврагѣ, надъ которымъ нависли тяжелыя скалы, было около полутора ста домовъ, построенныхъ изъ мѣстнаго камня, довольно чистенькихъ на видъ, но лишенныхъ всякихъ удобствъ. Вблизи отъ города находился загородный домъ генераль-губернатора, окруженный обширнымъ садомъ, съ великолѣпной растительностью; тутъ были деревья и кустарники, привезенные изъ Европы, Азіи, Африки и Америки, которые благодаря тщательному уходу росли и цвѣли великолѣпно. Высокія цѣпи горъ защищали эту единственную, болѣе здоровую часть острова отъ губельныхъ для растительности жаркихъ юго-западныхъ вѣтровъ.

Въ домѣ генераль-губернатора останавливались обыкновенно болѣе или менѣе знатные путешественники, посѣщавшіе островъ, Наполеону не было оказано этой любезности, ему не было предложено остановиться въ домѣ, гдѣ бы онъ могъ жить въ пріятной

¹⁾ Frédéric Masson. Autour de Saint Hélène. Paris 1909. 2 t.

Napoléon en exil. Par le docteur Barry E. O'Méara. Paris 1897. 4 t.

обстановкѣ вдали отъ любопытныхъ взоровъ до тѣхъ поръ, пока ему не приготовили собственное помѣщеніе.

Для Наполеона и его приближенныхъ была отведена самая нездоровая, безводная мѣстность, на плоской вершинѣ одной изъ горъ, на высотѣ около 2 т. футовъ надъ уровнемъ моря. Мѣстность эта, называется—Лонгвудъ,—съ глинистой, липкой почвой была постоянно окутана туманомъ, сквозь которой лишь изрѣдка проглядывало солнце; дождь лилъ тутъ почти непрерывно семь—восемь мѣсяцевъ въ году; хорошая погода продолжалась не болѣе одного или полутора мѣсяцевъ и всегда была переменчива; дувшій постоянно, насыщенный парами, жаркій юго-восточный вѣтеръ уничтожалъ всякую растительность. Лихорадка, дизентерія и болѣзни дыхательныхъ путей свили себѣ въ этой мѣстности прочное гнѣздо и поражали въ особенности прїѣзжихъ европейцевъ, изъ коихъ ни одинъ не могъ выжить тамъ долго.

Въ этомъ, самомъ отдаленномъ и самомъ нездоровомъ изъ англійскихъ владѣній, жизнь была тягостна всякому европейцу; тѣмъ болѣе она должна была быть въ тягость тому, кто былъ навѣки прикованъ къ этой мрачной скалѣ, былъ лишенъ свободы, за кѣмъ ежечасно, денно и ночью слѣдили часовые, разставленные на всѣхъ скалахъ, на всѣхъ, самыхъ узенькихъ, самыхъ крутыхъ недоступныхъ тропинкахъ.

Живя въ домѣ съ полусгнившимъ паркетомъ, съ ветхими стѣнами, въ которомъ хозяйничали крысы и который походилъ на жалкую лачугу, страдая то отъ тропической жары, то отъ проливныхъ дождей, одѣтый въ старый поношенный охотничій костюмъ, обутый въ непривычные для него жесткіе крестьянскіе башмаки, лишенный возможности совершать необходимыя для его здоровья прогулки, которыя вскорѣ стали ему въ тягость вслѣдствіе постоянного надзора, которому онъ подвергался внѣ дома, Наполеонъ находилъ отраду только въ книгахъ.

Единственнымъ его развлеченіемъ было чтеніе. Когда изъ Европы получался ящикъ съ новыми книгами, онъ самъ поспѣшно распаковывалъ его, забрасывалъ полъ книгами и съ жадностью принимался за чтеніе, просиживая за нимъ далеко за полночь. Развлеченіемъ служили ему также бесѣды съ докторомъ О'Меара, единственнымъ врачомъ, къ которому онъ питалъ довѣріе и который ему нравился своими манерами, умѣньемъ держать себя и знаніемъ италіанскаго языка.

Съ нимъ онъ бесѣдовалъ, не стѣснясь, о лицахъ его окружавшихъ, о всѣхъ мелкихъ событіяхъ повседневной жизни, ему онъ изливалъ чувства горечи и обиды, вызванныя въ немъ враждебнымъ

и суровымъ отношеніемъ къ нему генераль-губернатора и тѣми безцѣльными и ненужными ограниченіями и стѣсненіями, отъ которыхъ страдала его гордость. Съ нимъ онъ вспоминалъ о выдающихся событіяхъ своего царствованія и о лицахъ, игравшихъ при немъ главную роль.

О'Меара, съ самаго пріѣзда на островъ Св. Елены, сталъ записывать эти бесѣды, и такъ какъ онѣ становились все болѣе и болѣе интимны, то и его дневникъ пріобрѣлъ съ теченіемъ времени выдающееся значеніе и интересъ. Переписавъ свои замѣтки начисто, докторъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, пересылалъ ихъ въ Англію, гдѣ онѣ были обнародованы имъ послѣ смерти Наполеона.

Первое время разговоръ заходилъ чаще всего объ Англій, взявшей на себя по отношенію Наполеона роль тюремщицы. Бывшій императоръ считалъ большой ошибкой со стороны этой державы ея участіе въ континентальныхъ войнахъ.

„Если бы вы проиграли сраженіе при Ватерлоо, сказалъ онъ однажды доктору О'Меара, въ какомъ положеніи очутилась бы Англія? Цвѣтъ ея молодежи погибъ бы; ибо ни одному человѣку, не исключая самого Веллингтона, не удалось бы спастись“. На возраженіе, что Веллингтонъ рѣшилъ покинуть поле битвы не иначе какъ мертвымъ, Наполеонъ отвѣчалъ:

„Онъ не могъ отступить; онъ былъ бы уничтоженъ со своей арміей, если бы вмѣсто пруссаковъ подошелъ Груши“, и я до сихъ поръ не понимаю, какимъ образомъ это оказались пруссаки. Если бы они не подошли, то англійская армія была бы уничтожена; она уже среди дня понесла рѣшительное пораженіе; но судьбѣ было угодно, чтобы Веллингтонъ выигралъ сраженіе. Я не могъ себѣ представить, что онъ атакуетъ насъ, такъ какъ если бы онъ отступилъ какъ слѣдовало къ Антверпену, то мнѣ пришлось бы имѣть дѣло съ арміей въ три или четыре тысячи человѣкъ, которые шли на меня. Разъединить англійскія и прусскія войска было величайшей глупостью; они должны были оставаться вмѣстѣ, и я не могу понять, почему ихъ разъединили. Со стороны Веллингтона было безуміемъ дать мнѣ сраженіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ въ случаѣ пораженія, погибло бы все его войско; ибо отступление было для него невозможно; у него былъ въ тылу лѣсъ, куда вела одна дорога. Его войско было бы разбито на-голову. Къ тому же онъ далъ застичь себя врасплохъ; это была большая ошибка. Ему слѣдовало начать кампанію въ началѣ іюня, ибо ему конечно было извѣстно, что я предполагалъ атаковать его. Онъ могъ все потерять, но ему повезло; такъ было суждено, и люди будутъ превозносить все, что онъ сдѣлалъ. Мое намѣреніе было атаковать и истребить англичанъ,

я зналъ, что послѣдствіемъ этого будетъ смѣна министерства. Негодованіе, вызванное тѣмъ, что по его винѣ погибло сорокъ тысячъ человѣкъ,—цвѣтъ англійской арміи, вызвало бы такой взрывъ народнаго негодованія, что министерству бы не уцѣлѣть. Англійскій народъ сказалъ бы: „какое намъ дѣло, кто сидитъ на французскомъ престолѣ, Людовикъ или Наполеонъ? мы довольно страдали. Это не наше личное дѣло, пускай устраиваются какъ хотятъ“ и заключилъ бы со мною миръ. Саксонцы, баварцы, бельгійцы, виртембергцы присоединились бы ко мнѣ. Безъ Англіи коалиція была немыслима. Русскіе съ своей стороны заключили бы миръ, и я остался бы на престолѣ. Миръ былъ бы проченъ; ибо что могла бы сдѣлать Франція послѣ заключенія Парижскаго договора? Можно ли ея было бояться?“

„Таковы были соображенія, продолжалъ онъ, побуждавшія меня атаковать англичанъ. Я разбилъ пруссаковъ. До полудня, побѣда была на моей сторонѣ. Могу сказать, что все было въ моихъ рукахъ; но случай или судьба рѣшили иначе. Словъ цѣтъ, англичане сражались храбро, этого никто не можетъ отрицать; но они все-таки могли быть разбиты.

„Ведя войну на континентѣ, Питтъ своей политикой едва не разорилъ Англію“.

На замѣчаніе, что по мнѣнію нѣкоторыхъ политиковъ, если бы Англія не продолжала войну, то она была бы разорена и сдѣлалась бы французской провинціей, Наполеонъ возразилъ. „Напротивъ, объявивъ войну Франціи, Англія дала послѣдней возможность до того расширить въ мое управленіе свои завоеванія, что я сдѣлался императоромъ чуть не всего міра; не будь войны, этого бы не случилось“.

Разговоръ перешелъ на оккупацию Мальты. „За два дня до того, какъ лордъ Витвортъ уѣхалъ изъ Парижа,—сказалъ Наполеонъ, министерству и приближенныхъ ко мнѣ лицамъ предложили тридцать милліоновъ франковъ, обѣщая признать меня королемъ Франціи, если я соглашусь уступить Англіи Мальту“.

„Впрочемъ война была неминуема, хотя бы вопроса о Мальтѣ и не существовало“.

Англійскихъ моряковъ Наполеонъ считалъ настолько выше французскихъ, насколько послѣдніе были выше испанскихъ. На замѣчаніе, что французы не могли бы никогда быть хорошими матросами, вслѣдствіе своей подвижности и своего легкомыслія, и что они никогда не стали бы безропотно блокировать цѣлыми годами порты, подобно тому какъ англичане блокировали Тулонъ, терпя непогоду и всяческія лишенія.

„Я съ этимъ не согласенъ,—возразилъ Наполеонъ,—но я не

думаю, чтобы они могли быть такими хорошими матросами, какъ англичане. Море принадлежитъ вамъ; ваши матросы настолько превосходятъ нашихъ, насколько голландцы превосходили нѣкогда англичанъ“.

Объ императрицѣ Жозефинѣ Наполеонъ вспоминалъ всегда съ самымъ теплымъ чувствомъ. Во время обезоруженія парижскихъ секцій, 13-го вандемьера 1795 г., „ко мнѣ явился—разсказывалъ онъ—мальчикъ лѣтъ двѣнадцати или тринадцати и умолялъ возвратить ему шпагу его отца, бывшаго республиканскаго генерала. Я такъ былъ тронутъ этой милой просьбой, что приказалъ отдать ему шпагу. Этотъ мальчикъ былъ Евгеній Богарне. Увидавъ шпагу, онъ зарыдалъ. Я былъ такъ тронутъ его поступкомъ, что осыпалъ его похвалами. Нѣсколько дней спустя его мать пришла благодарить меня. Я былъ пораженъ ея наружностью и еще болѣе ея умомъ. Это первое впечатлѣніе усиливалось съ каждымъ днемъ. Вскорѣ я вступилъ съ нею въ бракъ“.

Говоря о франмасонахъ, Наполеонъ называлъ ихъ глупцами (*un tas d'imbéciles*), которые собираются вмѣстѣ, чтобы вкусно поѣсть и выполнить нѣкоторые смѣшные обряды. При всемъ томъ, они дѣлаютъ время отъ времени добрыя дѣла, говорилъ онъ. Во время революціи и въ послѣднее время, они содѣйствовали умаленію могущества папы и вліянія духовенства. „Когда народъ не сочувствуетъ правительству, всѣ тайныя общества стремятся повредить ему“. Онъ покровительствовалъ франмасонамъ „только потому, что они были враждебны папѣ“. На вопросъ, допустилъ ли бы онъ когда-нибудь снова іезуитовъ во Францію, Наполеонъ отвѣчалъ:

„Никогда; это опаснѣйшее изъ всѣхъ сообществъ; оно сдѣлало болѣе зла, нежели всякое иное общество. По ученію іезуитовъ, ихъ генералъ выше всѣхъ монарховъ; онъ властитель міра; всѣ его приказанія должны исполняться, какъ бы они ни были противозаконны, какъ бы они ни были преступны. Всякій поступокъ, какъ бы ужасенъ ни былъ, если онъ сдѣланъ по приказанію ихъ генерала, есть заслуга въ ихъ глазахъ. Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не согласился бы, чтобы въ моихъ владѣніяхъ существовало общество, подчиненное неизвѣстному мнѣ человѣку, живущему въ Римѣ. Я ни за что не хотѣлъ бы имѣть *fratî*. Достаточно священниковъ для того, кто въ нихъ нуждается, нѣтъ надобности въ монастыряхъ, наполненныхъ канальями, которые только ѣдятъ, молятся и совершаютъ преступленія“.

На замѣчаніе своего собесѣдника, что можно опасаться какъ бы священники и іезуиты не пріобрѣли большого вліянія въ Европѣ, Наполеонъ отвѣчалъ:

„Это весьма возможно. Протестанты подвергались раньше такимъ же притѣсненіямъ, какъ евреи; они не могли пріобрѣтать землю, я уравниалъ ихъ въ правахъ съ католиками. Императоръ Александръ могъ разрѣшить въѣздъ іезуитовъ въ Россію, такъ какъ его политика имѣла цѣлью привлечь въ свою варварскую страну людей просвѣщенныхъ, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали; къ тому же они не опасны въ Россіи, такъ какъ они исповѣдуютъ другую вѣру. Тѣмъ не менѣе, они будутъ вести себя такъ, что онъ будетъ вынужденъ изгнать ихъ¹⁾“.

Однажды зашла рѣчь о полякахъ, служившихъ въ арміи Наполеона, которые были ему преданны.

„Да, воскликнулъ Наполеонъ, они были преданы мнѣ! Понятовскій сопровождалъ меня во время египетскаго похода; я произвелъ его въ генералы. Большая часть моей старой польской гвардіи, изъ видовъ политики, употребляется въ настоящее время на службу Императоромъ Александромъ. Это—храбрая нація, она дастъ хорошихъ солдатъ. Они лучше французовъ переносятъ стужу сѣверныхъ странъ“.

„Комендантъ Данцига говорилъ мнѣ, что въ зимнее время года, когда термометръ показывалъ восемнадцать градусовъ ниже нуля, французовъ нельзя было заставить стоять на часахъ, тогда какъ поляки не страдали отъ холода“.

„Понятовскій, — продолжалъ онъ, — человекъ благородный, въ высокой степени храбрый и честный. Я хотѣлъ посадить его на польскій престолъ, если бы мнѣ удалось одержать въ Россіи побѣду“.

Неудачу своего похода въ Россію Наполеонъ, приписывалъ главнымъ образомъ „преждевременному морозу и пожару Москвы“.

„Я находился въ нѣсколькихъ дневныхъ переходахъ позади арміи, рассказывалъ онъ, сравнивалъ температуру за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ; сильные морозы никогда не наступали раньше 20 декабря, двадцать дней позже нежели они начались въ тотъ годъ. Когда я былъ въ Москвѣ, тамъ было нуль градуса мороза, и французы переносили его легко, но во время похода термометръ указалъ довосемнадцати градусовъ; почти всѣ лошади погибли. Я потерялъ ихъ тридцать тысячъ въ одну ночь. пришлось бросить почти всю артиллерію, состоявшую въ то время изъ пятисотъ орудій; не было возможности увезти ни аммуницію, ни провіантъ. За неимѣніемъ лошадей мы не могли произвести

¹⁾ Предсказаніе это сбылось; іезуитовъ, какъ извѣстно, изгнали изъ Россіи въ 1820 г.

рекогносцировку, или выслать кавалерійскій разъѣздъ, чтобы опознать дорогу. Солдаты теряли разумъ и гибли во время сумятицы. Ихъ пугало самое пустынное обстоятельство. Четыре или пять человѣкъ могли нагнать панику на цѣлый батальонъ. вмѣсто того чтобы держаться вмѣстѣ, они бродили по одиночкѣ, ища огня. Тѣ, коихъ посылали на развѣдки, спѣшили обогрѣться въ домахъ. Они разбѣгались и легко попадали въ руки непріятеля. Другіе ложились на землю и засыпали; у нихъ начинала сочиться изъ носа кровь, и они умирали во снѣ. Такимъ образомъ погибли тысячи. Особенно пострадала кавалерія; изъ сорока тысячъ человѣкъ спаслась едва одна тысяча. Не будь пожара, мой планъ увѣнчался бы успѣхомъ. Я провелъ бы въ Москвѣ зиму“.

„Въ этомъ городѣ было около сорока тысячъ человѣкъ; это были все рабы. Я хотѣлъ дать имъ волю, я уничтожилъ бы въ Россіи крѣпостное право и дворянство. Это создало бы мнѣ огромную и сильную партію. Я заключилъ бы миръ въ Москвѣ, или пошелъ бы на слѣдующій годъ на Петербургъ“.

„Александръ отлично зналъ это и поэтому отослалъ свои брилліанты, всѣ свои драгоценности и суда въ Англію. Не будь этого пожара, я одержалъ бы полную побѣду. Я нанесъ имъ большое поражение при Москвѣ рѣкѣ; я атаковалъ съ девяносто тысячнымъ войскомъ русскую армію, численностью въ 200 тысячъ и нанесъ ей рѣшительное поражение ¹⁾). Семьдесятъ тысячъ русскихъ осталось на полѣ битвы. Они имѣли наглость увѣрять, что они выиграли сраженіе, хотя я продолжалъ наступленіе на Москву. Два дня спустя я былъ въ прекрасномъ городѣ, гдѣ было достаточное количество запасовъ на два года; ибо въ Россіи всегда запасаютъ все нужное до наступленія морозовъ; запасные магазины были переполнены всякимъ добромъ“.

„Дома мѣстныхъ жителей были снабжены всѣмъ необходимымъ; изъ нихъ большинство оставило своихъ слугъ, которые могли намъ служить. Многіе домовладѣльцы оставили записки, въ которыхъ просили французскихъ офицеровъ, если они поселятся въ ихъ домахъ, пощадить мебель и прочія ихъ вещи; они писали, что оставили все, что могло намъ понадобится, выражали надежду вернуться черезъ нѣсколько дней; и говорили, что тогда они будутъ рады ви-

¹⁾ Въ сраженіи при Бородино у русскихъ было 103 т. регулярнаго войска, 7 т. казаковъ и 10 т. ополченцевъ, всего 120 т., а силы французовъ доходили до 130 т. У русскихъ вышло изъ строя 40 т., у французовъ 35—40 т. В. Т.

дѣтъ насъ. Изъ дамъ нѣкоторыя остались въ городѣ; онѣ знали, что въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ жителямъ не было причинено оскорбленій. Они надѣялись на скорое заключеніе мира. Мы надѣялись отдохнуть на зимнихъ квартирахъ и одержать побѣду весною“.

„Два дня спустя послѣ нашего прихода вспыхнулъ пожаръ. Вначалѣ это не казалось особенно тревожнымъ; думали, что виною были солдаты, зажигавшіе костры слишкомъ близко къ домамъ, которые были почти сплошь деревянные. Это обстоятельство огорчило меня и я отдалъ строгое приказаніе слѣдить за ними полковымъ и прочимъ командирамъ. На слѣдующій день пожаръ увеличился, хотя не внушалъ еще серьезныхъ опасеній. Однако боясь, чтобы онъ не дошелъ до насъ, я отправился верхомъ и отдалъ строгое приказаніе тушить огонь. На слѣдующій день поднялся сильный вѣтеръ, и пожаръ распространился съ ужасающей быстротой“.

„Сотни несчастныхъ, подкупленныхъ съ этой цѣлью, разсѣялись по разнымъ кварталамъ города и пряча подъ плащами фитили, поджигали дома съ подвѣтренной стороны; это было нетрудно, такъ какъ дома были построены изъ горючаго матеріала. Это обстоятельство и сильный вѣтеръ парализовали всѣ наши попытки потушить огонь. Я самъ едва не погибъ въ немъ. Чтобы подать примѣръ, я бросился въ пламя, и у меня обгорѣли волосы и брови; платье обгорѣло у меня на спинѣ. Всѣ усилія были напрасны, такъ какъ была испорчена большая часть насосовъ, которыхъ было около тысячи; изъ нихъ почти ни одинъ не оказался годнымъ къ употребленію. Несчастные, нанятые Растопчинымъ, бѣгали во всѣ стороны и своими факелами зажигали вновь огонь; имъ не мало помогалъ вѣтеръ. Этотъ ужасный пожаръ истребилъ городъ почти до тла. Я ожидалъ всего, но только не этого. Ударъ былъ неожиданный: кто могъ думать, что народъ станетъ поджигать свою столицу? Нѣкоторые изъ жителей также употребляли всѣ усилія, чтобы потушить пожаръ; при этомъ погибло нѣсколько человѣкъ. Они приводили къ намъ многихъ поджигателей съ ихъ факелами; мы ихъ никогда не могли бы узнать среди черни. Я приказалъ разстрѣлять человѣкъ двѣсти этихъ несчастныхъ. Не случись этого злополучнаго пожара, я имѣлъ бы для арміи все необходимое: прекрасныя зимнія квартиры, разнообразныя съѣстные припасы, кампанія слѣдующаго года рѣшила бы все. Или Александръ заключилъ бы миръ, или я былъ бы въ Петербургѣ“.

„Я заставилъ бы Россію заключить миръ, согласный съ интересами Франціи. Миѣ слѣдовало оставить Москву пять дней раньше. Многіе генералы были въ кроватяхъ, когда все уже было объято пламенемъ. Я самъ оставался въ Кремлѣ до тѣхъ поръ, пока я не

былъ окруженъ пламенемъ. Огонь охватилъ китайскіе и индійскіе магазины и нѣсколько складовъ масла и спирта, которые воспламенились. Тогда я переѣхалъ въ загородный домъ, принадлежавшій Императору Александру, приблизительно въ одной верстѣ отъ Москвы; можно судить о томъ, какъ сильно было пламя, если я скажу, что со стороны Москвы едва можно было дотронуться руками до стѣнъ и оконъ этого дома; до того они были горячи.

Это было цѣлое море огня; снопы яркаго пламени, колеблющагося подобно волнамъ, вздымались къ пылающему небу и низвергались въ огненный океанъ. Это было самое величественное, самое великолѣпное и самое ужасное изъ видѣнныхъ мною когда-либо зрѣлищъ“.

Вспоминая о Блюхерѣ, Наполеонъ отозвался о немъ какъ о человѣкѣ очень храбромъ,—un bon sabreur. „Онъ похожъ на быка, говорилъ Наполеонъ, который бросается впередъ, закрывъ глаза, и не видитъ опасности. Онъ сдѣлалъ тысячу ошибокъ и, не случись непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, я могъ бы не одинъ разъ взять въ плѣнъ его самого и большую часть его арміи. Онъ упрямъ, неутомимъ, ничего не боится и очень преданъ своей странѣ. Но какъ генераль, это бездарность. Припоминаю, что въ мою бытность въ Пруссіи, онъ послѣ сдачи обѣдалъ за моимъ столомъ. Всѣ считали его человѣкомъ самымъ зауряднымъ“.

Говоря объ англійскихъ солдатахъ Наполеонъ замѣтилъ, что они храбры: „англійскіе офицеры люди, вообще честные, говорилъ онъ, но я не считаю ихъ способными выполнить трудные маневры. Мнѣ кажется, что подъ моимъ начальствомъ они были бы способны на все, хотя я еще не знаю ихъ достаточно хорошо, чтобы сказать это положительно. Я имѣлъ по этому поводу разговоръ съ Бингамомъ; хотя онъ со мною не согласенъ, но я того мнѣнія, что съ ними слѣдовало бы обращаться иначе. вмѣсто кнута я хотѣлъ бы дѣйствовать на нихъ, возбуждая въ нихъ чувство чести и соревнованія. Я бы производилъ, какъ я это дѣлалъ во Франціи, въ офицеры, всякаго солдата, если онъ отличился. Послѣ сраженія, я созывалъ обыкновенно офицеровъ и солдатъ и спрашивалъ ихъ: кто изъ васъ отличился? гдѣ храбрецы? Я производилъ въ офицеры всѣхъ, кто умѣлъ хорошо читать и писать, а безграмотнымъ я велѣлъ учиться, до тѣхъ поръ, пока они не усваивали грамоту, и тогда я ихъ производилъ. Чего бы не сдѣлала англійская армія, если бы каждый солдатъ могъ надѣяться быть генераломъ, если онъ отличится въ бою? Конечно, англійскій солдатъ стоитъ по развитію не ниже солдатъ прочихъ націй, у которыхъ не примѣняется унижительно наказанія кнутомъ. Все уни-

жающее человѣка должно быть отмѣнено. Я хотѣлъ бы достигнуть того, чтобы слово солдатъ считалось почетнымъ для того, кто имъ называется. Я сдѣлалъ бы въ Англии то, что я сдѣлалъ во Франціи: гдѣ я поощрялъ образованныхъ молодыхъ людей, сыновей купцовъ, дворянъ, безъ различія сословій итти въ солдаты, и двигалъ ихъ по заслугамъ; я бы замѣнилъ кнутъ заключеніемъ въ тюрьму, на хлѣбъ и на воду и презрѣніемъ товарищей. *Quando il soldato é awilito e disonorato colle fruste, poco gli preme la gloria e l'onore della sua patria* ¹⁾“.

„Можетъ ли быть въ человѣкѣ какое-нибудь чувство чести, когда его наказываютъ кнутомъ въ присутствіи товарищей? Онъ теряетъ всякую любовь къ родинѣ и готовъ сражаться такъ же точно и противъ нея, если противникъ заплатитъ ему больше. Когда австрійцы владѣли Италіей, они тщетно старались сдѣлать изъ итальянцевъ хорошихъ солдатъ: итальянцы дезертировали тотчасъ послѣ набора, а, если имъ приходилось итти противъ непріятеля, разбѣгались при первомъ выстрѣлѣ. Невозможно было сформировать изъ нихъ ни одного полка“.

„Когда я завоевалъ Италію и началъ вербовать солдатъ, австрійцы смѣялись надо мною, и говорили, что это мнѣ не удастся, что они не разъ пытались это дѣлать, и что не въ характерѣ итальянцевъ драться и быть хорошими солдатами. Однако я набралъ нѣсколько тысячъ итальянцевъ, и они сражались такъ же храбро, какъ французы, и никогда не покидали меня, даже въ несчастьи. Какая была тому причина? Я уничтожилъ введенное австрійцами наказаніе кнутомъ и палкою, я подвигалъ способныхъ солдатъ; изъ ихъ числа было нѣсколько генераловъ. Я замѣнилъ страхъ и кнутъ чувствомъ чести и соревнованіемъ“.

На вопросъ, каково его мнѣніе о сравнительномъ достоинствѣ русскихъ, пруссаковъ и нѣмцевъ, Наполеонъ сказалъ: „Солдаты измѣнчивы: одинъ день они храбры, другой день—труссы. Русскіе, на моихъ глазахъ, дѣлали чудеса храбрости подъ Эйлау; въ ту минуту они всѣ были герои; на берегу Москвы, засѣвъ въ окопы, откуда имъ не было выхода, „они допустили, чтобы я съ 90 тысячами разбилъ ихъ 150 тысячъ. Подъ Іеной и въ другихъ битвахъ этой кампаніи, пруссаки бѣжали такъ трусливо, какъ бараны; а послѣ они дрались храбро. Мое мнѣніе таково, что въ данный моментъ прусскій солдатъ стоитъ выше австрійскаго. Французскіе

¹⁾ Когда солдатъ униженъ и обезчещенъ тѣлеснымъ наказаніемъ, его мало трогаетъ слава и честь страны.

кирасиры были лучшей кавалеріей въ мірѣ, съ ними легко было прорвать пѣхоту. Индивидуально, нѣтъ кавалериста, который бы стоялъ выше мамелюка; но мамелюки не могутъ дѣйствовать массой. Казаки превосходны, какъ партизаны, а поляки прекрасные уланы“.

Изъ австрійскихъ генераловъ наилучшій „принцъ Карлъ, хотя онъ дѣлалъ массу ошибокъ. Что касается Шварценберга, то онъ не способенъ командовать и шестью тысячами“.

Заговоривъ объ осадѣ Тулона, Наполеонъ припомнилъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ взялъ въ плѣнъ генерала О'Гара. „Я могу сказать, присовокупилъ онъ, что я взялъ его въ плѣнъ собственноручно. Я соорудилъ замаскированную батарею съ 8 двадцати четырехъ дюймовыми орудіями и четырьмя мортирами, съ цѣлью атаковать фортъ Мальбуске, занятый англичанами; батарея была окончена вечеромъ, и я рѣшилъ повести атаку на слѣдующее утро. Въ то время, какъ я отдавалъ приказанія въ другомъ пунктѣ, пріѣхало нѣсколько депутатовъ національнаго конвента. Они брали иногда на себя обязанность руководить военными дѣйствіями; эти дураки дали батареѣ приказаніе открыть огонь; это было исполнено. Замѣтивъ это, я подумалъ, что англійскій генералъ атаковалъ батарею и, вѣроятно, возьметъ ее, такъ какъ я не успѣлъ еще сдѣлать всѣхъ нужныхъ распоряженій, чтобы поддержать ее. Дѣйствительно, О'Гара, боясь что открытый съ батареей огонь заставитъ его войско отойти изъ Мальбуске, и что я могу овладѣть фортомъ, командовавшимъ надъ рейдомъ, рѣшился атаковать меня. Онъ сдѣлалъ вылазку и овладѣлъ батареей и линіями окоповъ, возведенными мною слѣва (Тутъ Наполеонъ набросалъ на бумажкѣ планъ расположенія батарей). Правые окопы были взяты неаполитанцами. Въ то время, какъ они забивали орудія, я подошелъ, никѣмъ незамѣченный, съ тремя—четырьмястами гренадеръ, пройдя черезъ узкій проходъ, поросшій оливковыми деревьями, примыкавшій къ батарееѣ, и открылъ страшный огонь по войскамъ О'Гара. Изумленные англичане думали въ первый моментъ, что неаполитанцы, занимавшіе окопы справа, приняли ихъ за французовъ и стали кричать: „Эти каналы неаполитанцы стрѣляютъ въ насъ (въ то время англійскіе солдаты относились къ неаполитанцамъ съ величайшимъ презрѣніемъ). О'Гара вышелъ изъ батареи и направился къ намъ. Онъ былъ раненъ однимъ сержантомъ въ руку; такъ какъ я стоялъ у входа въ траншею, то я его схватилъ за одежду и толкнулъ въ толпу моихъ солдатъ; я думалъ, что это полковникъ. Когда его уводили, онъ воскликнулъ, что онъ главнокомандующій англійскихъ войскъ. Онъ думалъ, что его убьютъ, такъ какъ Конвентъ приказалъ не щадить

англичанъ. Я подбѣжалъ къ нему и не позволилъ солдатамъ обижать его. Онъ очень плохо говорилъ по-французски; видя, что онъ думаетъ, что его убьютъ, я всячески старался его успокоить, я приказалъ тотчасъ сдѣлать ему перевязку и оказывать ему всевозможное уваженіе“.

„Неаполитанцы, продолжалъ Наполеонъ, величайшіе каналы въ мірѣ. Мюратъ погубилъ меня, пойдя съ ними противъ австрійцевъ. Когда объ этомъ узналъ старикъ Фердинандъ, онъ расхохотался и сказалъ, на своемъ жаргонѣ, что неаполитанцы будутъ служить Мюрату такъ же, какъ они служили ему, когда Шампione, съ десятью тысячами французовъ разсѣялъ ихъ сто тысячъ, какъ барановъ. Я запретилъ Мюрату дѣйствовать; такъ какъ по возвращеніи моемъ съ острова Эльбы, между мною и... было рѣшено, что если я уступлю ему Италію, то онъ не примкнетъ къ коалиціи противъ меня. Я это обѣщалъ и сдержалъ бы слово, но нелѣпный Мюратъ, несмотря на данное мною приказаніе, пошелъ въ Италію со своей канальей, гдѣ его разбили въ пухъ и прахъ. Этими были разрушены всѣ мои планы и договоры. Мюратъ дважды измѣнялъ мнѣ и разорялъ меня. Первый разъ, когда онъ бросилъ меня и присоединился съ шестьюдесятью тысячами къ союзникамъ, заставивъ меня этимъ держать въ Италіи тридцать тысячъ человекъ, которые мнѣ были такъ нужны въ иномъ мѣстѣ. Не сдѣлай Мюратъ этого рискованнаго шага, русскіе бы отступили, такъ какъ они не хотѣли идти далѣе, если бы Австрія не примкнула къ коалиціи; англичане остались бы одни и охотно согласились бы заключить со мною миръ“. Наполеонъ присовокушилъ, что онъ всегда былъ не прочь заключить миръ съ Англіей.

„Пусть ваши министры говорятъ, что хотятъ, сказалъ онъ, я всегда былъ готовъ заключить миръ. Въ то время какъ умеръ Фоксъ, все предвѣщало повидимому скорое заключеніе мира. Будь лордъ Лаудердаль болѣе чистосердеченъ, миръ и былъ бы заключенъ, за два мѣсяца до начала прусской кампаніи я велѣлъ передать ему, что ему слѣдовало склонить своихъ соотечественниковъ къ заключенію мира со мною, такъ какъ я черезъ два мѣсяца овладѣлъ Пруссіей, ибо хотя Пруссія, въ союзѣ съ Россіей, могла противустоять мнѣ, но она одна не была въ состояніи этого сдѣлать; русскіе могли подойти не ранѣе какъ черезъ три мѣсяца, а мнѣ было извѣстно, что пруссаки намѣревались защищать Берлинъ, вмѣсто того, чтобы отступить, въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Россіи; въ такомъ случаѣ я уничтожилъ бы ихъ армію и взялъ бы Берлинъ раньше, чѣмъ могли подойти русскіе; затѣмъ, безъ труда я могъ разбить послѣднихъ. Потому я совѣтовалъ лорду Лаудердалю вос-

пользоваться моимъ предложеніемъ и заключить со мною миръ ранѣе, нежели пруссаки, которые были лучшими друзьями Англіи на континентѣ, не были разбиты. Я думаю, что послѣ этого сообщенія, онъ дѣйствовалъ искренно и писалъ вашимъ министрамъ совѣтуя имъ заключить миръ, но они не согласились на это, полагая, что у короля прусскаго было сто тысячъ челолѣкъ, что я могъ понести пораженіе, и что это будетъ началомъ моей гибели. Возможно: иной разъ одно сраженіе рѣшаетъ все; нерѣдко случается, что на исходъ сраженія вліяютъ самыя пустяшныя обстоятельства. Но событія показали, что я не ошибся: я одержалъ побѣду при Іенѣ, и Пруссія была въ моихъ рукахъ. Послѣ Тильзита и Эрфурта, вашимъ министрамъ было послано за подписью моей и Императора Александра письмо, съ предложеніемъ заключить миръ съ Англіей; но они не пожелали принять и это предложеніе“.

Наполеонъ показалъ доктору слѣды двухъ ранъ, изъ нихъ одна оставила глубокой шрамъ подъ лѣвымъ колѣномъ; она была получена имъ, во время перваго италіанскаго похода. Хирурги считали ее вначалѣ столь серьезной, что думали произвести ампутацію ноги. Будучи раненъ, Наполеонъ, по его словамъ, всегда держалъ это въ тайнѣ, чтобы не обезкураживать своихъ солдатъ. Вторая рана, полученная имъ при Экмюль, была на большомъ пальцѣ ноги.

„При осадѣ Акра, къ моимъ ногамъ упала бомба, брошенная Сиднеемъ Смитомъ, рассказывалъ Наполеонъ. Два солдата, стоявшіе подлѣ меня, схватили меня и крѣпко обняли, одинъ спереди, другой сзади и защитили меня своимъ тѣломъ отъ бомбы, которая разорвалась и обдала насъ пылью. Мы упали всѣ трое въ воронку, которую она образовала; одинъ изъ солдатъ былъ раненъ. Я произвелъ обоихъ солдатъ въ офицеры. Одинъ изъ нихъ потерялъ впослѣдствіи ногу подъ Москвою, и былъ комендантомъ Венсена, когда я уѣхалъ изъ Парижа. Когда русскіе потребовали отъ него сдачи крѣпости, онъ отвѣтилъ, что онъ сдастъ ее тогда, когда они возвратятъ ему ногу, потерянную имъ подъ Москвою“¹⁾.

„Нѣсколько разъ въ жизни, продолжалъ императоръ, я былъ обязанъ спасеніемъ солдатамъ и офицерамъ, которые бросались впередъ, когда мнѣ угрожала неминуемая опасность. Когда я шелъ на Аркольскій мостъ, мой адъютантъ, полковникъ Мюнронъ кинулся впередъ и защитилъ меня своимъ тѣломъ; онъ былъ раненъ вмѣсто меня, и упалъ замертво къ моимъ ногамъ; его кровь брызнула мнѣ

¹⁾ Рѣчь идетъ о генералѣ Доменплѣ (Daumesnil).

въ лицо. Онъ пожертвовалъ жизнью, чтобы спасти меня. Я думаю, никто не видѣлъ столько преданности со стороны солдатъ, какъ я. Несмотря на всѣ превратности судьбы, ни одинъ солдатъ, умирая, не жаловался на меня. Истекая кровью, они восклицали: *да здравствуетъ Императоръ!*“.

Однажды разговоръ зашелъ объ Аустерлицкомъ сраженіи. Наполеонъ замѣтилъ, что король прусскій до сраженія примкнулъ къ коалиціи противъ него.

„Объ этомъ сообщилъ мнѣ Гаугвицъ, сказалъ онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтывалъ мнѣ заключить миръ. На это я отвѣтилъ: Исходъ предстоящаго сраженія рѣшитъ все. Я надѣюсь выиграть его, и, въ такомъ случаѣ, я предпшшу миръ, сообразный моимъ видамъ. Въ настоящую минуту я не буду ничего слушать“.

„Событія вполнѣ оправдали мое ожиданіе; я одержалъ столь рѣшительную побѣду, что я имѣлъ возможность поставить условія, какія мнѣ были желательны“. Гаугвицъ думалъ, что Пруссія никогда не будетъ играть первой роли (*giocare il primo ruolo*) въ дѣлахъ континента; что это второстепенная держава, и что она должна и дѣйствовать какъ таковая. Если бы я понесъ поражение, то я надѣялся, что Пруссія не примкнетъ открыто къ союзникамъ, такъ какъ въ ея интересахъ было естественно заботиться о сохраненіи равновѣсія въ Европѣ, а этого не могло бы быть, если бы она присоединилась къ державамъ, кои усилились бы вслѣдствіе моего поражения. При томъ, сейчасъ возникли бы зависть и подозрительность, и союзники не имѣли бы довѣрія къ королю прусскому, который измѣнилъ имъ“.

„Я отдалъ Ганноверъ пруссакамъ, продолжалъ онъ, чтобы поссорить ихъ съ Англіей и вызвать войну, которая закрыла бы для нея континентъ. Король прусскій былъ настолько простодушенъ, чтобы повѣрить, что онъ могъ сохранить эту провинцію и остаться въ мирѣ съ Англіей. Затѣмъ, онъ, какъ безумный, объявилъ мнѣ войну, подстрекаемый къ тому королевой, принцемъ Лудвигомъ и массой молодыхъ людей, убѣдившихъ его въ томъ, что Пруссія достаточно сильна, даже безъ помощи Россіи. Онъ скоро тяжкимъ опытомъ убѣдился въ противномъ“.

На вопросъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы король Прусскій присоединился со своей арміей къ войскамъ союзниковъ, до Аустерлицкаго сраженія, Наполеонъ отвѣтилъ: „О, это совершенно измѣнило бы дѣло“.

Онъ хвалилъ короля Саксонскаго, говоря, что это человекъ въ высокой степени храбрый, превозносилъ короля Баварскаго за его

доброту и искренность; про короля Виртембергскаго замѣтилъ, что онъ способенъ, но характера тяжелаго.

„Александръ и король Виртембергскій люди въ высшей степени способные“, сказалъ онъ.

О своемъ братѣ, Іосифѣ, онъ отозвался какъ о человѣкѣ прекраснаго характера. „Его добродѣтели и таланты пригодны для частной жизни, къ которой онъ предназначенъ природою. Онъ слишкомъ добръ, чтобы быть великимъ человѣкомъ, у него нѣтъ ни малѣйшаго честолюбія. Онъ очень похожъ на меня наружностью, но гораздо красивѣе меня, очень образованъ, но это не то, что нужно монарху, онъ также не въ состояніи командовать арміей“.

Затѣмъ онъ охарактеризовалъ Моро и другихъ генераловъ.

„Моро, сказалъ онъ, прекрасный дивизионный генералъ, но не способенъ командовать большимъ отрядомъ. Имѣя сто тысячъ человѣкъ, Моро разбросалъ бы свою армію въ разные пункты, усѣялъ бы дороги солдатами и достигъ бы не болѣе того, что онъ могъ бы сдѣлать съ тридцатью тысячами. Онъ не умѣлъ пользоваться ни численностью своихъ войскъ, ни позиціей. Спокойный и хладнокровный во время сраженія, онъ былъ скорѣе способенъ командовать войскомъ въ пылу сраженія, нежели составить предварительную диспозицію. Его часто видѣли на полѣ битвы курящимъ трубку. Моро былъ не злой отъ природы; онъ былъ весельчакъ. Но у него не было характера. Имъ вертѣла жена и другая креолка, его невѣстка. Участіе, принятое имъ, вмѣстѣ съ Пишегрю и Жоржемъ, въ заговорѣ и конецъ его карьеры, когда онъ сражался противъ своей родины, обезчестили его на вѣки. Какъ генералъ, Моро былъ несравненно ниже Дезэ, Клебера и даже Сульта. Изъ всѣхъ генераловъ, бывшихъ подъ моею командою, способнѣе всѣхъ были Дезэ и Клеберъ, въ особенности Дезэ; Клеберъ любилъ славу постолько, поскольку она доставляла ему богатства и утѣхи. Дезэ, напротивъ, любилъ славу самое по себѣ и презиралъ все остальное. Онъ только и мечталъ о войнѣ и славѣ. Богатство и удовольствія были для него ничто; онъ даже не думалъ о нихъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, мрачной наружности, ростомъ чуть меньше меня, одѣтый всегда небрежно; иногда даже въ рваной одеждѣ. Онъ презиралъ удовольствія и удобства жизни. Нѣсколько разъ, въ Египтѣ, я дарилъ ему полное походное снаряженіе, но онъ тотчасъ все растеривалъ. Завернувшись въ плащъ, онъ ложился на лафетъ и спалъ такъ же хорошо, какъ на перинѣ. Комфортъ не имѣлъ въ его глазахъ никакой цѣны. Онъ былъ прямъ и честенъ во всѣхъ своихъ поступкахъ; арабы прозвали его *справедливый султанъ*. Природа

надѣлила его качествами выдающагося генерала. Потеря Клебера и Дезе была незамѣнима для Франціи. Если бы Клеберъ былъ живъ, англійская армія погибла бы въ Египтѣ“.

„Ланнъ, въ то время какъ я познакомился съ нимъ, былъ un ignorantaccio (невѣжда). Онъ былъ очень плохо образованъ. Впоследствии онъ выработался; изъ него вышелъ бы первоклассный опытный боевой генералъ. Онъ участвовалъ въ пятидесяти отдѣльныхъ сраженіяхъ и во ста болѣе или менѣе значительныхъ стычкахъ. Онъ обладалъ вѣрнымъ и проницательнымъ взглядомъ, и умѣлъ быстро воспользоваться обстоятельствами. Вспыльчивый и несдержанный въ выраженіяхъ даже въ моемъ присутствіи, онъ былъ мнѣ очень преданъ. Въ порывѣ гнѣва, онъ никому не позволялъ дѣлать ему замѣчанія; когда онъ былъ озлобленъ, не всегда можно было даже говорить съ нимъ. Какъ генералъ, онъ стоялъ несравненно ниже Массены и Сульта“.

„Массена былъ человѣкъ выдающихся способностей. Тѣмъ не менѣе его диспозиціи передъ сраженіемъ были обыкновенно никуда не годны, но когда вокругъ него начинали падать люди, тогда онъ начиналъ дѣйствовать съ той разсудительностью, какую ему слѣдовало обнаружить съ самаго начала. Окруженный мертвыми и умирающими, осыпaeмый градомъ пуль, которыя сметали вокругъ него все, Массена оставался всегда самимъ собою. Онъ отдавалъ приказанія и дѣлалъ диспозиціи съ величайшимъ хладнокровіемъ и величайшей разсудительностью. Вотъ *la vera nobilita di sangue*. Про него говорили, что онъ начиналъ дѣйствовать осмотрительно только тогда, когда было видно, что исходъ сраженія будетъ для него неблагопріятенъ, и это правда. Онъ былъ большой мошенникъ, вступалъ постоянно въ сдѣлки съ поставщиками и комиссіонерами арміи. Я говорилъ ему нѣсколько разъ, что если онъ броситъ свои постыдныя спекуляціи, то я подарю ему 900 тысячъ франковъ или милліонъ; но онъ такъ къ этому привыкъ, что не могъ не вмѣшиваться въ эти грязныя денежныя дѣла. Солдаты ненавидѣли его за это и нѣсколько разъ бунтовали противъ него. И все-таки, по тогдашнимъ обстоятельствамъ это былъ неоцѣнимый человѣкъ“.

„Пишегрю былъ репетиторомъ въ Бриеннѣ и преподавалъ мнѣ математику, когда мнѣ было десять лѣтъ. Онъ отлично зналъ эту науку. Какъ генералъ, Пишегрю — человѣкъ выдающихся дарованій, несравненно выше Моро, хотя онъ не сдѣлалъ ничего особенно замѣчательнаго“.

На просьбу высказать свое мнѣніе объ Императорѣ Александрѣ, Наполеонъ сказалъ:

„Онъ былъ одаренъ болѣе богато, нежели оба его союзника. Онъ пылокъ, честолюбивъ, любитъ быть популярнымъ. Его слабость— считать себя знающимъ военное дѣло, самое пріятное для него— это слышать себѣ похвалу въ этомъ отношеніи, хотя всѣ военныя дѣйствія, коими онъ руководилъ самъ, считаются ошибочными и неудачными. Въ Тильзитѣ, Александръ и король прусскій были поглощены разговорами о новой формѣ для гусаръ и драгунъ; они серьезно обсуждали вопросъ о томъ, къ какой пуговицѣ долженъ быть прицѣпленъ орденъ. Мы ежедневно катались всѣ трое вмѣстѣ; Императору Александру и мнѣ часто случалось пустить лошадь въ галопъ и оставить короля прусскаго далеко позади насъ“.

Сообщ. В. Тимошукъ.

